

— К великому сожалению, японская литература вновь лишилась ярчайшей звезды. Писатель Цусима Сюдзи покинул нас навсегда 19 июня, — подтвердили в новостях.

— В иокогамских Трущобах вновь прогремел взрыв. Неужели это очередное заявление террористической организации, которая два года назад пыталась помешать правительственной застройке? Наш корреспондент продолжит следить за развитием событий.

Медленно открыв глаза, он оглядел до боли знакомую обстановку. Белые, до рези в глазах, стены безмолвно свидетельствовали о том, что он снова не умер. Интересно, как там Ямадзаки? Не отправился ли он в мир иной раньше него?

Цусима Сюдзи, более известный под литературным псевдонимом Дадзай Осаму, не сразу осознал, что перестал быть собой. Он просто безучастно смотрел в белый потолок, погрузившись в оцепенение.

— Дадзай-сан, босс просил вас прийти в его кабинет, как только вы очнетесь.

Мужчина в черном костюме, до жути похожий на мафиози из кино, с невозмутимым видом стоял у кровати, передавая приказ своего предводителя.

Дадзай-сан?

Цусима Сюдзи перевел взгляд своих карих глаз на здоровяка в черном. Он был в замешательстве: почему перед ним не ангел в белых одеждах? Или, быть может, это посланник ада?

Ощув легкую боль в теле, он опустил голову. Увидев свои нежные, лишенные мозолей руки, Сюдзи сразу понял, что что-то не так.

Взглянув на мужчину, который покорно ждал в изножии кровати, Сюдзи, не понимая, что происходит, прибегнул к привычной для взрослого человека маске притворства. Он сделал вид, что все в порядке, и кивнул в ответ.

В конце концов, в общении с большинством незнакомых или малознакомых людей достаточно лишь кивка, многозначительного мычания и фразы вроде Я думаю, вы абсолютно правы, чтобы отвязаться от многих.

Людям на самом деле нет дела до ваших слов. Они лишь радуются своему, говорят о своем и ищут утешения в собственных мыслях.

Тщательно осмотрев палату, он убедился, что с ним произошло нечто невероятное. Действие наркоза еще не до конца прошло, но он с трудом сполз с кровати, обогнул застывшего, словно деревянный чурбан, охранника и направился в примыкающий к палате туалет.

Юноша в зеркале, сплошь замотанный в бинты, с единственным открытым карим глазом, лишь подтвердил догадку Сюдзи: он вселился в чужое тело.

Впрочем, раз здесь нет аппарата искусственной вентиляции легких, нет капельниц и он очнулся не в морге, возможно, это он сам вытеснил душу этого юноши.

Глядя на свое отражение, Сюдзи увидел в глазах, которые должны были быть мягкими, как лепестки цветов, глубокую мизантропию. Он горько усмехнулся.

Неужели те теории о кармической связи, о которых твердили странные люди из клана Инь-Ян, оказались правдой? Дадзай?

Вспомнив происхождение своего псевдонима, а затем юношу по имени Оба Ёдзо из своего же романа, и, наконец, семейные легенды, Цусима Сюдзи счел это абсурдом.

Ходили слухи, что род Цусима берет начало от потомков некоего знатного феодала. Хотя в других семьях это подтверждалось родословными, в его семье никаких доказательств не было, поэтому в детстве он воспринимал это как шутку.

Более того, это было одной из причин, по которой он ненавидел свою семью. В конце концов, попытки возвысить свой статус — занятие настолько приземленное и нелепое — лишь лишний раз доказывали убогость его семьи.

Но в этот момент забытые слухи с молниеносной быстротой всплыли в памяти. Теория о предопределенности императорской крови в той стране, где власть императора была абсолютной, считалась незыблемым законом.

Судьба? Сюдзи, изучавший марксизм и веривший в атеизм, чувствовал, как его мысли приходят в полное смятение.

Охранник, которому поручили привести юношу, глядя на вышедшего из туалета парня, замотанного в бинты, не сдержался и решил напомнить замаявшемуся подростку, что пора идти.

— Дадзай-сан, босс требует вашего немедленного присутствия!

Акцент на слове немедленного и свирепое лицо охранника не испугали погруженного в раздумья Сюдзи. Напротив, уловив в его словах искреннее беспокойство, он поднял голову и мягко улыбнулся:

— Хорошо, конечно. Не могли бы вы проводить меня? Мне сейчас немного неудобно передвигаться самому.

Юноша слегка приподнял руку, подвешенную на перевязи, и посмотрел охраннику в глаза. Хотя он не понимал, как выпутываться из сложившейся ситуации, у него возникло предчувствие, что в этот раз он сможет написать произведение, достойное премии Акутагавы.

Он стоял прямо, почти с грацией, выдававшей хорошее воспитание. Мягкая улыбка на лице в сочетании с пушистыми темными волосами делала его совершенно безобидным — так Сюдзи подсознательно держался с незнакомцами.

Охранник, оглядев юношу, помолчал. Он не понимал, почему травма руки мешает ходить, но по настоятельной просьбе парня все же проводил его к скоростному лифту и придержал дверь.

Войдя в кабину, Сюдзи посмотрел на панораму города. По мере того как лифт поднимался, люди внизу превращались в крошечных муравьев.

Тонкая натура Сюдзи ощутила приступ одиночества. Он представил, как прыгает с этой высоты, как ветер и солнечные лучи ласкают его тело, и внезапно почувствовал, как сердце обретает свободу.

Однако, вспомнив, что тело не его, Сюдзи быстро отбросил эту мысль и переключил внимание на само здание.

Небоскребы, бесшумные лифты, средства связи в руках охранника — все это говорило о прогрессе этого мира и его отличии от того, к которому он привык. Никаких залпов, никаких выстрелов — лишь чистое небо и беззаботные птицы.

Догадавшись о роде занятий этого юноши, Сюдзи стал лучше понимать, откуда на нем бинты. Юности лучше бы расти под ласковым солнцем и дождем, подумал он, но, вспомнив брошенных им сына, дочь и жену, горько усмехнулся.

Все эгоистично сбежали, так почему же он сейчас вспоминает об этом?

Солнечный луч, пробившийся сквозь стекло лифта, осветил его темный взгляд. Сюдзи слегка прикрыл глаза рукой, и, когда двери открылись, шагнул наружу.

Пройдя проверку охраны, он в одиночестве зашагал по длинному коридору. Красный ковер, антикварная мебель — на мгновение Сюдзи показалось, что он вернулся в дом своего детства, где, одетый в официальное кимоно, шел за руку с матерью по длинной деревянной галерее к отцу, который всегда был суров.

Ощущение ожидания приговора.

В конце коридора стражники, увидев его, открыли резные двери, украшенные искусным орнаментом. Солнечный свет хлынул следом за ним в полумрак кабинета.

Увидев обстановку, он на секунду замер, затем нацепил на лицо фальшивую, до раздражения безразличную улыбку и вошел.

— Здравствуй, Дадзай-кун. Я долго тебя ждал.

За массивным столом сидел человек лет тридцати в черном пальто с красным шарфом. Черный галстук, выделявшийся на фоне белоснежной рубашки, слегка колыхнулся, когда мужчина поднял голову.

Аккуратно уложенные черные волосы, красные, словно у демона, глаза, сложенные домиком пальцы рук, лежащие на столе, и знакомый тон.

Сюдзи быстро сделал вывод, что этот босс хорошо знаком с юношей. Учитывая черные волосы, он даже заподозрил, не является ли он его сыном. Сюдзи, не глядя по сторонам, направился к мужчине, но, проходя мимо стула, стоявшего в центре комнаты, услышал:

— Ты тот самый маньяк-самоубийца.

Из-за низкого роста его не было видно сразу. Рыжеволосый юноша, прикованный к стулу в центре комнаты, произнес это с пронзительной резкостью, свойственной подросткам, и его голос эхом разнесся по тихой комнате, достигнув ушей Сюдзи.

Маньяк-самоубийца?

Сюдзи зафиксировал ключевое слово в памяти и, не оглядываясь, пошел дальше. Он с почтением остановился перед Мори Огаем.

— Босс.

Сказав это, Сюдзи отступил в тень. Перед тем как опустить голову, он мельком взглянул на двоих людей в центре комнаты, а затем замер, смиренно потупив взор.

Мужчина в сером тяжелом пальто с красно-черным шарфом, в черных кожаных перчатках, с длинными черными волосами и теплыми наушниками — вид его вызывал ощущение холода.

Из его черных перчаток исходили золотистые кубы, напоминающие стекло. То, что раньше существовало лишь в юношеских фантазиях, теперь намертво приковывало рыжеволосого мальчишку к стулу, лишая его возможности сопротивляться.

А рыжеволосый юноша на стуле смотрел на него глазами цвета кобальта, в которых, казалось, полыхал огонь. Иностранец? Но японский у него кажется безупречным. Метис? И, судя по всему, он ненавидит хозяина этого тела...

Впрочем, люди в этом мире обладают невероятными способностями. Почувствовав подозрительный взгляд босса, направленный на него, Сюдзи на мгновение растерялся, но быстро вернул себе прежнее равнодушие.

Мори Огай, обдумывая неожиданное поведение Дадзая, не стал спрашивать напрямую, но в ходе дальнейшего разговора стал уделять Сюдзи больше внимания.

Когда человек в сером, по имени Рандо, страдающий от холода, ушел, в комнате остались трое, стоявшие в форме равностороннего треугольника.

Эсперы? Способности? Сверхлюди? Похоже, этот мир куда опаснее, чем его собственный...

Храня молчание, Сюдзи слушал диалог рыжего юноши и босса, собирая информацию. Он услышал знакомое имя — Чуя. А затем, после приглашения Мори Огая, способности рыжего мальчишки проявились во всей красе.

Провалившийся пол, разлетевшийся в щепки стул и рыжеволосый юноша в сером пальто, стоящий на единственном уцелевшем участке пола, окруженный красным свечением.

И этот до боли знакомый рост... Сюдзи с ужасом вспомнил Накахару Чую, который в его мире вечно напивался и лез к нему с кулаками. Почему, даже попав в другой мир, он встретил такого же человека?

Вспомнив, как тот Накахара избивал его в пьяном угаре, Сюдзи наконец сбросил свою фальшивую, тошнотворную улыбку и стал бесстрастным.

В душе же он решил: с этим парнем общаться нельзя ни в коем случае. Сейчас он потребует от этого босса объяснений, а дальше — пусть делает, что хочет.

<http://bllate.org/book/21039/2140378>